

Телефонный звонок в Прощёное воскресенье

Он позвонил в Прощёное воскресенье – тридцать лет спустя... Димка Пыляев, друг детства, с которым, можно сказать, рука об руку прошли пол жизни.

Мы одноклассники, в первый класс поступили одновременно, но в разные школы. Зато двор наш просторный пустырь посреди шестиэтажек, был общей, куда более познавательной школой. Где мы научились стыкаться, играть в футбол, в расшибалку, подстерегать в темноте девчонок, идущих домой после второй смены, влюбляться в своих из дома напротив, играть не только в чижика, но и в картишки и не только в "Дурака, но и на деньги. Бегали вместе купаться на цыганский пруд, ловить майских жуков в Сокольники... Загорали на крыше семиэтажки.

Пятьдесят второй-пятьдесят третий год, зима. В «Правде» напечатана статья о врачах евреев, убивавших советских руководителей. Статью я, конечно, не читал, но хорошо помню маминих родственников в нашей маленькой проходной комнатке на Малой Остроумовской - тихих, напуганных, обсуждавших шёпотом скорое выселение евреев из Москвы. Якобы всех, подчистую, за Урал, на Дальний Восток... Я догадывался, что и нас тоже, мама же еврейка. А как же Вера, из 4 «б», в которую я влюблён, как же Димка Пыляев...

Январским вечером, во дворе, я поведал ему о предстоящей разлуке, и ещё о сокровеннейшей тайне: отец мой сидит в тюрьме.

По окончании Литинститута я кое-что зарабатывал переводами стихотворений эстонских поэтов. На гонорар за переведённую книгу, мизерный, между прочим, купил дом на Валдае. Старую развалюху. Подновил, обустроил и первыми родными гостями была семья Пыляевых: Димка, Люда и две востроглазые их девчушки. Незабвенный август – солнечный, щедрый, грибной.

В семидесятых годах он пригласил меня в свою строительную шашку. Он уже закончил Бауманский, я Литературный. Оба женаты. Нужда прижимала. Подрабатывали ремонтом квартир, дачных домов... Бригада --ребята умелые, технари, не крохоборы, брали по совести. Трудились по выходным, праздникам, а то и после дня на основной службе.

Как-то работали на даче священника – перекрывали крышу, обшивали вагонкой бурые бревенчатые стены. Священнику наша работа понравилась и он пригласил нас утеплить дачный дом своей матери. После рабочего дня устраивалось хлебосольное застолье, в котором Мария Ильинична, его мама, бывшая учительница литературы, рассказывала о катакомбной Церкви, о мечёвском приходе, а меня, литератора, поражала чистейшей, красочной русской речью, редкой по нашим временам.

Но однажды сразила меня категоричным доводом. В тот вечер за столом обсуждались политические проблемы, чуть прихваченные антисемитским душком. Отчего Россия такая богатая, такая великая и такая бедная... И тут Мария Ильинична, знавшая, что мой духовник отец Александр Мень, припечатала: « а как вы думаете, кто виноват в наших несчастьях? -- Я застыл в ужасе, предчувствуя, что она скажет... И сказала: «Евреи».

Дима к отцу Евгению прикипел и стал его прихожанином. А потом, на многие годы, старостой. На территории храма его стараниями возникли новые строения: приходской дом, школа.

Убийство отца Александра обрушилось, как нож гильотины на мою голову. Трудно было в первые недели прийти в себя. Кто только ни звонил, сочувствуя – из деревни, из-за границы... Потом до меня дошло, что Димка – не звонил... А когда стало известно, что о. Евгений не помянул за службой убиенного священника ни в первый день, ни в последующие, я понял, почему мой друг – отпал.

Как будто на моих глазах утонул человек... Был... и вдруг не стало...

Я часто вспоминал его, как вспоминаются счастливые мгновения детства, юности... Помнил номер его телефона... Видел не однажды во сне...

И вот, по ватсапу чей-то, не узнаю, голос... « Спрашиваю: Никита, ты?... » « Ди-ма Петля-ев про-сит у тебя проще-ния».

Господи... чувства моего не передать... Тридцать лет... Вынырнул из Бог весть каких глубин... Из небытия... Его голос, его, усиленная паузами, сердечность...

В минувшем году они с Людой прочитали несколько книг отца Александра, слушали его лекции.

Для меня этот звонок ещё и обнадеживающий знак, что Россия осознает когда-нибудь жертвенность крови, пролитой за неё 9 сентября 1990 года.